

Научная статья

УДК 75/01(571/54) + 821(571/54)

doi: 10.17223/23062061/33/9

ЕДИНСТВО СЛОВА И ЖИВОПИСИ В КНИГАХ, НАПИСАННЫХ И ИЗДАННЫХ ХУДОЖНИКАМИ БУРЯТИИ

Татьяна Анатольевна Бороноева¹,
Светлана Степановна Имихелова²

¹ *Национальный музей Республики Бурятия, Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия*

² *Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия*

¹ *tatboronoeva@gmail.com*

² *223015@mail.ru*

Аннотация. Анализируются книги, принадлежащие перу современных бурятских художников и предназначенные для детей и юношества. Характерной особенностью этих оригинальных изданий является единство вербального и живописного рядов, когда авторы – профессиональные художники – дополняют содержание собственных текстов своими иллюстрациями, тем самым продолжая давнюю традицию книгоиздания в Бурятии. Делается вывод, как и в период его возникновения, литературный текст в рассматриваемых книгах сопровождается авторским комментарием.

Ключевые слова: текст, художник, иллюстрация, родословная, детство, радость творчества

Для цитирования: Бороноева Т.А., Имихелова С.С. Единство слова и живописи в книгах, написанных и изданных художниками Бурятии // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 33. С. 158–171. doi: 10.17223/23062061/33/9

Original article

UNITY OF WORDS AND PAINTING IN BOOKS WRITTEN AND PUBLISHED BY ARTISTS OF BURYATIA

Tatyana A. Boronoeva¹, Svetlana S. Imikhelova²

¹ *National Museum of the Republic of Buryatia, Ulan-Ude, Russian Federation*

² *Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation*

¹ *tatboronoeva@gmail.com*

² *223015@mail.ru*

Abstract. The article reviews three books by famous artists of Buryatia who worked on both texts and illustrations for these editions. Alexandra Dugarova (born in

1959) is the compiler and illustrator of the *Gurban Ontokhonuud. Three Tales* book, which was published in Ulan-Ude in 2019. Victoria Alagueva (born in 1964) created the text and illustrations for *The Silver Book about the Buryats. Tribes of the Buryat-Mongols. Zorik Book* by the talented artist Zorigto Dorzhiev (born in 1976) consists not only of reproductions of the artist's paintings, but also of a literary text written by him. The preface and all texts in *Gurban Ontokhonuud* are in two languages – Russian and Buryat. The illustrations made in computer graphics technique convey the subtlest nuances of the characters' mood, natural landscapes, and ethnographic details. The choice of fairy tales is explained by how they deal with another traditional genre of Buryat folklore – the triads. The characters of each fairy tale are three sages representing three different Buryat clans. They solve three riddles from everyday life that required a collective solution. The heads of the sages are grotesquely big, as well as the heads of those for whom they solved the riddles – women, old people, children. The author managed to convey different emotions of the characters: bewilderment, sympathy, pity, gratitude, which are not verbally expressed but implied in the subtext. One can see the freedom of self-expression of the artist who emphasized the moral values of folk life. *The Silver Book*, published in 2010, tells in an accessible manner about the Buryat tribes, their origins, traditions, rituals and legends. The cover, illustrations and all texts are stylized as a colorful textbook for children. The story is told on behalf of an old woman who, at the request of her grandchildren, reveals to them the basics of the history and ethnography of her people. All the illustrations resemble children's drawings, where the figures of children are often depicted comically, but the legendary ancestors of the modern Buryats look like fabulous heroes. With its educational pathos, this book emphasizes the values of national life. The original *Zorik Book* by the artist Zorigto Dorzhiev was published by Khankhalaev Gallery in Moscow in 2011. The text and illustrations represent the painter-writer's reflection, the author tells about his birth and formation as an artist. As a result, this book is a kind of a literary and painting-like self-portrait. Drawings, collages and sketches are placed inside the text, not on the margins or in breaks in lines. One can see how the hero gradually matures, develops and becomes the creator of a new "text" – paintings that end the book. A whole kaleidoscope of literary and pictorial sketches conveys the artist's joy of creativity.

Keywords: text, illustration, childhood, genealogy, values, artist, joy of creativity

For citation: Boronoeva, T.A. & Imikhelova, S.S. (2023) Unity of words and painting in books written and published by artists of Buryatia. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 33. pp. 158–171. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/33/9

В Бурятии сильны традиции книгопечатания и книжного иллюстрирования, о чем свидетельствуют новые явления в сфере современного государственного книгоиздания и деятельности частных издательств. Истоки этих традиций берут свое начало с конца XIX – начала XX в. и связаны с распространением буддизма в регионе. Архивные материалы свидетельствуют о том, что в это время буддийские монастыри, храмы, молельни,

а также сами священнослужители и миряне этнической Бурятии обладали значительным количеством рукописных и печатных книг благодаря активной деятельности монгольских и тибетских лам, привозивших в Забайкалье переводы буддийских сочинений [1. С. 97]. В 1821 г. буряты закупали «30 телег ламаистских книг за 1200 голов скота» [2. С. 46]. В 1847 г. при Цугольском монастыре открылась монастырская школа со своей печатней. В отчетах под названием «О книгах на тибетском, монгольском и бурятском языках, находящихся в дацанах Бурят-Монголии», составленных по просьбе Агвана Доржиева, выдающегося ламы и общественного деятеля, приводится общее количество книг – «до 450000 томов (допущенное число можно считать минимальным)» [3. С. 56].

Одновременно развивалось книжное иллюстрирование. В создании буддийских печатных книг принимали участие несколько человек: лама – художник (зурачин), делавший первоначальный рисунок, он же каллиграф, лама – резчик деревянных досок-клише и печатник (баршин). Помимо печатных буддийских текстов, исполненных в технике ксилографии, существовала традиция рукописных книг. «Иллюстрациями к бурятским книгам, аналогично монгольским, служили одноцветные гравюры и красочные миниатюры, схожие с европейскими миниатюрами по назначению и размерам, но выполненные в отличной от них технике – в акварели» [4. С. 28]. Одноцветные часто подкрашивались в несколько красок. Так, первые иллюстраторы рукописной «Повести о Молонтойне» гелонг-лама Сартульского дацана и староста-урядник создавали «великолепные иллюстрации к рукописи в изысканной акварели, исполненные на чуть сероватой русской бумаге. Каждая страница являет собой органичное единство текста и изображения. Тонкость и изящество рисунка соотносятся в нижней части листа со стройностью монгольской – вертикальной графики текста» [4. С. 29].

Большинство гравюр и акварельных миниатюр в виде буддийских икон изображали божеств, портреты святых мудрецов и исторических деятелей, а также небольшие фрагменты житийных сюжетов. Они украшали рукописи, потому что были сделаны с большим вкусом в пределах иконографического канона и свидетельствовали о высоком уровне мастерства и профессиональной подготовки лам-зурачинов.

В силу исторических обстоятельств с 1930-х гг. произошел разрыв этой традиции. Все буддийские монастыри, за исключением немногих, были полностью разрушены, и часть наследия была сохранена и вывезена в музеи и хранилища Ленинграда и Улан-Удэ. Наиболее крупная коллекция тибетского и монгольского фондов хранится в Центре восточных

рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН в Улан-Удэ.

Это напоминание об истории книжной культуры Бурятии интересно в свете обновления современных издательских проектов, которые логично встраиваются в контекст национальной традиции. Несколько ярких примеров, на наш взгляд, являются наиболее выразительными в возникновении одной из тенденций современной книгоиздательской практики и книжного иллюстрирования. Речь идет об изданиях, где художник выступает и как автор-составитель или создатель текста, и одновременно как иллюстратор.

В 2019 г. в книжном издательстве «Республиканская типография» г. Улан-Удэ вышла книга «Гурбан онтохонууд. Три сказки», которая вызвала большой интерес у читателей Бурятии тем, что составлена и щедро проиллюстрирована заслуженной художницей Бурятии Александрой Дугаровой [5]. Она уже не раз выступала иллюстратором сборников стихотворений своего брата – народного поэта Бурятии Баира Дугарова. На этот раз она сама составила книгу на двух – русском и бурятском – языках, выбрав три сказки из новой книги «Бурятские народные сказки. Бытовые» [6]. И ее книга – вовсе не первый опыт, когда бурятские художники выступают одновременно создателями текстов или составителями, не обращаясь к помощи профессиональных литераторов. Одна из первых рукописных книг «Повесть о Молон-тойне», упомянутая выше, представляла собой единство текста и изображения и сопровождалась некоторой упрощенностью в рисунке, из чего видно, что она создана непрофессионалом [4. С. 29].

Опыт работы с детской иллюстрацией в «Трех сказках» – первый для Александры Дугаровой, тем не менее она уже имела такой опыт, работая над обложками и рисунками к шести сборникам стихов Б. Дугарова, а в своих живописных картинах она достаточно часто изображала детей, а также разных животных. Сложной задачей для нее на этот раз было отразить реалии исторической и природной жизни и быта своего народа. Художница признавалась: «Много пришлось думать над историческими и этнографическими деталями. Это был интересный опыт из 64 рисунков. Я не уходила в украшательство. По цвету отталкивалась больше от стиля “буряад зураг” (это своеобразный бурятский лубок). Яркие контрастные цвета и четко выверенная линия – черты, характерные для этого стиля. Задача была сложная. Надо было добиться ощущения бурятского духа» (из интервью, данного авторам статьи).

Для иллюстратора, конечно же, важно единство текста и изображения, а значит, важна задача выбрать такую композицию рисунка, которая бы

полностью зависела от содержания каждой сказки. Художница работала в технике компьютерной графики – рисования в специальных графических программах. С ее помощью можно было легко передать различные настроения героев, природные ландшафты и этнографические детали.

Рисунки Дугаровой радуют глаз ярким национальным колоритом и очень индивидуальным стилем. Фигуры героев изображены с теплотой и юмором. Есть отдельные страницы без текста [5. С. 28–29] – иллюстрированный разворот, позволяющий читателю подробно рассмотреть оригинальный живописный комментарий к тексту, оценить мастерство художника.

Тексты в «Трех сказках» даны на двух языках – русском и бурятском. В предисловии (также на двух языках) А. Дугарова отметила: «Сказки передают не только мудрость и фантазию народа, но и сохраняют богатство местных разнообразных говоров. Эти три сказки рассказывались в разных районах, где проживали буряты с давних времен» [5. С. 5]. Автор-составитель имела в виду районы Иркутской области и Забайкальского края, где проживали крупные бурятские племена – эхириты, булагаты и хорибуряты.

Выбор «Трех сказок» был подсказан тем, что в каждой из них речь идет о трех героях: «Три мудреца из Гурбалдая», «Три брата», «Три брата – три мудреца». Кроме того, что они были рождены в разных бурятских племенах, в них подчеркивается и принадлежность героев определенному роду. В первой сказке герои-мудрецы представляют разные бурятские роды: два младших из рода бараев и рода боролдоев пошли к старшему мудрецу – икинату, который жил в долине реки Оки, чтобы разрешить их спор. Старший мудрец разрешил этот спор – кому из младших мудрецов принадлежит кобыла, и они согласились с его решением. Затем они задавали друг другу спорные вопросы (их было два), а после этого подружились и стали жить вместе. Совместно они разгадали загадку, разрешив спор между двумя женщинами, не сумевшими распознать, чей из их сыновей остался жив, а чей умер, так как дети были очень похожи, поскольку родились от двух братьев, женившихся на этих женщинах.

Старший мудрец взял саблю, замахнулся и сказал, что он разрубит ребенка пополам и отдаст им по половинке.

Тогда родная мать ребенка сказала:

– Чем убивать нашего сына, лучше отдайте его этой женщине.

А другая сказала:

– Рубите, пусть никому не достанется!

Три мудреца все поняли из этих слов женщин и отдали мальчика той, которая просила не убивать его [5. С. 22].

Здесь обе страницы финала сказки – одна на русском, другая на бурятском языках – оформлены художницей как одна, хотя отражают разные по времени ситуации: на левой странице изображены две женские спорящие друг с другом головы на фоне лужайки, а между ними – крошечный ребенок в бурятском одеянии, а на правой – одна из женщин с ребенком на руках и рядом мудрец понимающе глядит на них. Благодаря тому, что головы в этой книге гротескно преувеличены, лица справа передают главные эмоции: сочувствие и жалость мудреца, благодарность матери и озадаченность ребенка. Становится понятным, что заставило составителя выбрать сказку с таким финалом: если при решении первых трех загадок в ней складывались ситуации, требующие чуть ли не судебного разбирательства, то последняя задача потребовала от трех мудрецов коллективного решения, и оно было блестящим, ведь ее разрешила не одна, а три мудрые головы.

Следующие две сказки также повествуют о трех братьях, которых тоже можно назвать мудрецами. И снова героям предстоит разгадать загадки, которые, несмотря на бытовой характер (кто выкрал корову или быка, кто только что отъехал от стоянки), потребовали также коллективного решения, соответствующего фольклорному сознанию, ведь жанры народного творчества созданы коллективной мудростью народа.

В сказке «Три брата» хан, который держит взаперти путников-братьев, убедился в их мудрости и, прежде чем отпустить их на свободу, испытывает ум братьев-мудрецов народными традиционными загадками-триадами: что на свете три красного и три белого цвета? Каждый ответ братьев на эти загадки сопровождается изображением на книжном развороте: красными лиственницами в ложбине, красными лицами счастливых людей и ярко-рыжей лисицей, на другом – белыми волосами старика, белыми зубами юного человечка и белыми костями мертвеца. И напоследок хан задает еще и третью загадку: что на свете семь синего и зеленого цвета? На левой стороне разворота видим зеленые ели и сосны, зеленую траву и синее небо, синюю реку, а на правой – во весь рост вечно зеленый кедр. Здесь и объясняется, на наш взгляд, выбор художником данной сказки ее вполне «живописным» потенциалом. Получился цикл, объединенный числом 3: количество выбранных сказок, количество персонажей-мудрецов и разгадываемых ими загадок, а также обращение к жанру бурятского фольклора – триадам.

Данная книга напоминает предшествовавшее ей издание 2010 г. «Серебряная книга о бурятах. Племена бурят-монголов» бурятской художницы Виктории Алагуевой [7]. Она написала книги для детей, повествующие о бурятских племенах, их происхождении, традициях, ритуалах,

вероисповедании, легендах, и сама же проиллюстрировала эти тексты. Как и книга А. Дугаровой, «Серебряная книга о бурятах» предназначена детям. Обложка, рисунки, а также тексты выполнены автором в виде красочного учебника для детей. Повествование ведется от лица бабушки, которая по просьбе внуков передает им знания о бурятских племенах. Именно в этом стиле в бурятском фольклоре сказочник-улигершин рассказывает детям истории о том, как в древние времена жили богатыри и богатырши. Все иллюстрации к текстам представляют собой стилизованные детские рисунки, подобные тем, что встречаются в учебниках для детей младшего школьного возраста. Можно указать на некоторое сходство с первоначальным опытом в бурятской книжной графике, где жанр иконы и словесный текст отвечали духу буддизма, выполняли его главную просветительскую задачу – доходчивость и доступность для широких масс.

Просветительский пафос книги В. Алагуевой смягчается изображением, часто комическим, фигурок детей, которые постигают азы истории и этнографии своего народа. Богато проиллюстрированы главы, представляющие краткий пересказ бурятских легенд и мифов о зарождении крупных бурятских племен – эхиритов, булагатов и хорибурят. На рисунках к этим главам изображены легендарные прародители Хоридой или Булагат и его брат Эхирит в сказочном духе, потому что их рождение тесно связано с природными явлениями, с обликом животных – тотемов, сопровождавших появление бурятских племен, таких как прекрасная птица-лебедь или могучий бык Буха-нойон.

Достоинство книги – в единстве вербального и визуального рядов, ведь детям необходимо доходчиво объяснять, из какого рода-племени ведут свою родословную их предки и родители; им следует знать историю бурятского народа, почему он поделен на множество разнообразных родов и в чем своеобразие национального характера людей, называющих себя бурятами. Национальное своеобразие бурят, по мнению автора книги, – в их мировоззрении, их художественном творчестве, а также в человеческом характере, объясняемом исторически и географически – долгой жизнью бурят в соседстве с другими народами, «на перекрестке» других культур: «Они привыкли к долгому и мирному сожительству с другими народами. Открытые внешнему миру, доверчивые и бесхитростные, своей удивительной терпимостью к другим культурам, они всегда поднимали свой культурный и духовный уровень» [7. С. 47].

Все тексты в книге В. Алагуевой сопровождаются ее рисунками жилищ, костюмов разных племен, предметов национального быта, обихода, некоторые из них становились произведениями искусства, например

ювелирные изделия, – буряты издавна славились мастерством кузнецов – дарханов.

Еще одна книга художника, очень необычная, даже уникальная в издательской практике Бурятии – «Zorik book. Книга художника Зорикто Доржиева», изданная в 2011 г. в Москве издательством «Галерея Ханхалаева» [8]. Ее автор – Зоригто Доржиев (в общении с близкими и друзьями – просто Зорик), известный и очень талантливый художник нового поколения бурятских живописцев. Его книга отличается от представленных выше изданий тем, что это книга-альбом большого формата, которая состоит из репродукций картин автора и литературного текста, написанного им. Оба «текста» представляют собой не что иное, как авторскую рефлексию живописца-литератора: картины-иллюстрации, выступая живописным фоном, «комментируют» словесный текст – повествование от имени героя-автора так, что получается своеобразный литературно-живописный автопортрет. К тому же оба «текста» объединены темой детства, постепенно переходящей в тему творчества. Повествуя о детских «играх в войнушку», автобиографический герой вспоминает, как уже в первые годы жизни у него возникла тяга к рисованию. Реальность воспоминания и реальность времени «письма» соединены в повествовании, и герой-рассказчик может объяснить, как рисование, живописное «придумывание» результатов творчества неотделимо от увлечений играми, чтением, музыкой – всем тем, что рождает в нем художника, обладающего чувством гармонии, отрицающего дурную эклектику во взгляде на мир. В любой деятельности на каждом этапе взросления герой-автор видит в себе будущего художника, ощущает постепенное рождение в себе творческой личности.

Например, в главе «Арсенал» автор-герой повествует о детском увлечении самодельным оружием, когда он сам выпиливал из дерева точные копии винтовок, пистолетов, автоматов, причем это было еще и оружие из разных эпох – лук со стрелами, мечи, томогавки, ножи. И все это шло в ход во время «игр в войнушку» с друзьями. Но уже здесь в герое-повествователе проявлялась натура художника: «Мне всегда важно было, чтоб антураж соответствовал теме. Я жутко раздражался, когда, играя в индейцев, кто-то бегал с мушкетерской шпагой» [8. С. 22].

Глава «Music» посвящена увлечению героя-подростка музыкой, сочинением песен под гитару. Постепенно это увлечение («я просто фонтанировал сочинительством») вылилось в собирание различных музыкальных инструментов – это были не только электрические и акустические гитары, но и бурятские и монгольские морин-хур, сух-хур и другие национальные инструменты. И заканчивается глава поэтической рефлексией о роли музыки в живописном сочинительстве героя: «Порой, с головой

погрузившись в очередную картину, я начинаю слышать музыку. Когда кисть совсем незаметным прикосновением оставляет чуть видимый след на холсте, слышится звук свирели, поющей где-то в степи. Затем вступает морин-хур. Линии становятся четче и ярче, а силуэты изображаемых героев контрастнее. <...> и вот уже целый оркестр наполняет красками все полотно. Мастехин мечется от палитры к мольберту, разбрызгивая сгустки краски, как искрометное соло визжащей гитары. Одна кисть только успевает сменить другую в нарастающем реве крещендо под громоподобный звук барабанов. <...> Отхожу посмотреть на то, что получилось. Нужно немного выделить передний край и чуть “вытащить” лицо главного персонажа. Где-то в степи еле слышна свирель...» [8. С. 65].

Интересна и глава «Милицейская история», в которой запечатлены воспоминания героя о его редких столкновениях с людьми в мундирах. Начинается повествование с дружеской вечеринки в общежитии художественного училища, закончившейся плачевно, когда знакомство будущих художников с курсантами юридической академии обернулось подозрениями, разбирательствами, допросами в связи с потерянным револьвером одним из гостей. Затем следует рассказ о еще одном знакомстве героя с человеком в милицейской форме, который, столкнувшись с ним в его учебном заведении, попросил проиллюстрировать подготовленную им книгу об истории милицейского мундира.

Все эпизоды сопровождаются темным фоном с рисунками, в которых стиль художника угадывается сразу. Так, один из рисунков изображает двойной портрет некоего господина – в фас и в профиль с гротескно подчеркнутым выражением лица – вытянутыми в недовольстве губами и носом, глазами-щелочками. Эта своего рода карикатура на фотографию как судебно-юридический документ замечательно передает отношение художника к нежелательным историям в его биографии. И заканчивается глава следующей субъективно-личностной информацией: «Спустя полгода в небольшой книжице в мягкой обложке на третьей странице можно было прочесть: художник Держиев З.Б. Неверно написанная буква в моей фамилии меня совсем не расстроила. Однако, чтобы ни у кого не возникало сомнений в авторстве иллюстраций, во второй части этого учебника к мундирам времен Великой Отечественной я прорисовал лица своих друзей и однокурсников» [8. С. 71]. И этот рисунок выполнен на пол-страницы «Zorik book...»: фигуры позирующих людей в различных милицейских одеяниях сопровождаются надписями над их головами: Вовка, Серега, Жека, Антошка и т.д. И среди этих изображенных, как на фото, людей есть фигура даже не офицера, а рядового с оружием в руках

с надписью «Типа я», т.е. вполне символическая «иллюстрация», подчеркивающая стиль всего автобиографического повествования в книге.

Наличие процесса творчества – вот чем интересна книга З. Доржиева, и это не только сочинительство, «придумывание» сюжетов для рисования. Герой-автор удивляется, что оно всегда давалось ему очень легко в сравнении с муками однокурсников в художественном училище: он просто жил с детства этим занятием. Как видно из книги, так же легко автору дается сочинительство. Началось все с игры, когда отец, театральный художник, начав какой-нибудь рисунок, оставлял закончить его сыну, надеясь на его фантазию. Игра пробуждала азарт сочинительства. «Пожалуй, в большей степени меня захватывал не сам процесс рисования, а ощущение созидательного авторского всемогущества». Причем интерес представлял процесс «повелевать не только придуманными героями, но и оживлять себя в нарисованном мире» [8. С. 25]. Например, в рисунке с Чапаевым на коне герой изображает и свою фигуру в буденовке с саблей на боку и биноклем на груди. Так и в словесном творчестве автор «рисует» себя, свою личность в единстве с творческой деятельностью, с ощущением всемогущества писателя, художника слова.

Литературный текст не просто «комментируется» рисунками, коллажами, всем живописным фоном, находящимися не на полях или где-то еще, а на самой странице, – он воспроизводит процесс создания нового «текста» героем, который постепенно взрослеет, развивается и обретает облик одновременно речевой и визуальный, чтобы «встать во весь рост» в центре живописных полотен, которыми и завершается книга. И таким образом рождается метатекст, в котором автор, «стремясь вслушаться в тончайшие движения души героя <...> передает сам процесс рождения этих движений в собственном субъективном чувстве и собственном создающемся на глазах читателя/зрителя тексте» [9. С. 33].

Можно считать живописные иллюстрации продуктом авторской интерпретации событий, детских и юношеских впечатлений, выраженных в слове, повествовании, если бы не само единство рожденной на глазах читателя новой реальности, в которой отразились встречи героя с картинами природы, его любовь к музыке, чувство самоуважения от первых профессиональных заработков. «И весь этот калейдоскоп зарисовок, штрихов, коллажей, эскизов – литературных и живописных, служит как бы залогом будущей насыщенной творческой жизни. Автобиографический герой проявится и в мифологически-условных образах своих картин, и в облике изображенных героев-современников» [9. С. 33]. Эта же мысль подчеркнута в статье искусствоведа, размышляющего о творчестве З. Доржиева: «Наряду с традиционным чеканным обликом условного “зориктоида” в

лицах и фигурах появляются черты современных людей – озабоченных и нервных, напряженных и встревоженных» [10. С. 9].

«Zorik book. Книга художника Зорикто Доржиева» – двойственное единство рисунков-иллюстраций автора-живописца и слова, речи автора литературного текста, разворачивающееся в таком пространстве-времени, которое обретает вид «творческого хронотопа» (М.М. Бахтин). Двойственность этого хронотопа усиливается сознанием героя, который выступает и персонажем, и одновременно автором-творцом. В этом заключается «особенность игрового автобиографического повествования, в котором видится тематизация процесса творчества через мотивы сочинительства. То есть перед читателем разворачивается процесс сочинительства, который и создает иллюзию “строительства” героем собственной жизни» [9. С. 33]. О подобной постмодернистской репрезентации автора-творца, находящего своего текстового двойника в образе персонажа, пишут исследователи [11. С. 45–46], другие называют такой тип повествования прозой autofiction [12, 13].

Как бы ни определялась принципиальная для бурятского книгоиздания новизна «Zorik book» З. Доржиева, перед читателем возникает оригинальное повествование от лица автобиографического героя, соединившего в себе художника-живописца и поэтическую личность. Так, финальные размышления героя, имеющие некоторую незавершенность, представляют собой лирические зарисовки в виде поэтической рефлексии, похожей на стихотворение-верлибр. Во второй части этого своеобразного стихотворения в прозе герой заявляет: «Люблю весну. За ощущение тревоги и зыбкости. Как будто натягиваешь тетиву самодельного лука и не знаешь, выдержит ли он это напряжение. Может, порвется тетива из случайной веревки? Разлетится ли сухой щепой только что срубленный сук, еще не успевший наполниться древесным соком, чтобы быть достаточно упругим? Или вылетит стрела стремительной белой молнией, и я сам удивлюсь, что смог послать так далеко ивовую ветвь, наспех высвободив ее из бугристой коры?» [8. С. 81]. Сменяет это лирическое излияние серия картин, созданных как итог книги, как результат становления характера начинающего художника, что соответствует специфике книги-альбома, «метафорически передающего восторг и счастье творческой личности от результата пересоздания корявого жизненного впечатления в реальность искусства» [9. С. 33].

Для текстов всех трех книг, о которых шла речь, характерна такая свобода самовыражения, которая обеспечивалась желанием авторов – художников-иллюстраторов изобразить и в рисунке, и в словесной ткани сам процесс «сочинительства», передать стремление к гармонии, к

осмыслению подлинных ценностей жизни. Для издательского дела такие проекты важны в связи с потребностями юного и молодого читателя, нуждающегося в увлекательной работе с литературно-художественной книгой, в легкости общения с автором, а также в восприятии необходимой познавательной и эстетической информации. Проанализированные книги, относящиеся к литературе для детей и юношества как наиболее крупному разделу современного книгоиздания, свидетельствуют о том, что бурятские издательства, в том числе негосударственные, как, например, «Галерея Ханхалаева», и сегодня продолжают ориентироваться на своего читателя. Союз писателя и живописца в лице автора каждой книги позволяет увидеть интересную тенденцию, напоминающую о времени возникновения национального книгоиздания.

Список источников

1. Сыртыпова С.-Х.Д. Письменное наследие бурят // Буддизм в истории и культуре бурят. Улан-Удэ : Буряад Монгол Ном, 2014. С. 97–133.
2. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX в. Структура и социальная роль культовой системы / отв. ред. К.М. Герасимова. Новосибирск : Наука, 1983. 235 с.
3. Страницы из жизни Агвана Доржиева. Архивные документы. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1993. 239 с.
4. Бороноева Т.А. Графика Бурятии. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 127 с.
5. Гурбан онтохонууд. Три сказки. Бурятские народные сказки для школьного и семейного чтения, для изучения бурятского языка / авт. идеи и сост. А.С. Дугарова. Улан-Удэ : Респ. тип., 2019. 64 с.
6. Буряад арадай онтохонууд. Ажабайдал тухай онтохонууд. Бурятские народные сказки. Бытовые. Улан-Удэ : Респ. тип., 2019. 188 с.
7. Алагуева В. Серебряная книга о бурятах. Племена бурят-монголов / худ. В. Алагуева. Улан-Удэ : Респ. тип., 2010. 64 с.
8. Доржиев З. Zorik book. Книга художника Зоригто Доржиева. М. : Галерея Ханхалаева, 2011. 124 с.
9. Бороноева Т.А. Метапроза как авторская саморефлексия в современной бурятской художественной культуре // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2015. Вып. 10. С. 30–34.
10. Якимович Ф. Зорикто Доржиев // Доржиев Зорикто. Воображаемая реальность. М. : Третьяковская галерея, 2015. С. 5–11.
11. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики). Екатеринбург, 1997. 317 с.
12. Кучина Т. Первоначальные повествовательные формы в русской прозе конца XX – начала XXI в. // Проблемы неклассической прозы : сб. ст. / сост. и гл. ред. Е.Б. Скороспелова. Вып. 2. М. : МАКС-Пресс, 2016. С. 275–313.
13. Имхелова С.С. Non-fiction или autofiction?: об одной тенденции в русском рассказе рубежа XX–XXI вв. // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2020. Вып. 1. С. 34–42.

References

1. Syrtypova, S.-Kh.D. (2014) Pis'mennoe nasledie buryat [Written heritage of the Buryats]. In: Garri, I. (ed.) *Buddizm v istorii i kul'ture buryat* [Buddhism in the history and culture of the Buryats]. Ulan-Ude: Buryaad Mongol Nom. pp. 97–133.
2. Gerasimova, K.M. (1983) *Lamaizm v Buryatii XVIII – nachala XX v. Struktura i sotsial'naya rol' kul'tovoy sistemy* [Lamaism in Buryatia in the 18th – early 20th centuries. The structure and social role of the cult system]. Novosibirsk: Nauka.
3. Ochirova, G.N. (ed.) (1993) *Stranitsy iz zhizni Agvana Dorzhieva. Arkhivnye dokumenty* [The life of Agvan Dorzhiev. Archival documents]. Ulan-Ude: Bu-ryat. kn. izd-vo.
4. Boronoeva, T.A. (1997) *Grafika Buryatii* [Graphics of Buryatia]. Ulan-Ude: SB RAS.
5. Dugarova, A.S. (ed.) (2019) *Gurban ontokhonuud. Tri skazki. Buryatskie narodnye skazki dlya shkol'nogo i semeynogo chteniya, dlya izucheniya buryatskogo yazyka* [Gurban ontokhonuud. Three tales. Buryat folk tales for school and family reading, for studying the Buryat language]. Ulan-Ude: Resp. tip.
6. Anon. (2019) *Buryaad araday ontokhonuud. Azhabaydal tukhay ontokhonuud. Buryatskie narodnye skazki. Bytovye* [Buryaad araday ontokhonuud. Azhabaidal tuhay ontokhonuud. Buryat folk tales. Household tales]. Ulan-Ude: Resp. tip.
7. Alagueva, V. (2010) *Serebryanaya kniga o buryatakh. Plemena buryat-mongolov* [The silver book about the Buryats. Tribes of the Buryat-Mongols]. Ulan-Ude: Resp. tip.
8. Dorzhiev, Z. (2011) *Zorik book. Kniga khudozhnika Zorigto Dorzhieva* [Zorik Book. A book by the artist Zorigto Dorzhiev]. Moscow: Galereya Khankhalaeva.
9. Boronoeva, T.A. (2015) Metaproza kak avtorskaya samorefleksiya v sovremennoy buryatskoy khudozhestvennoy kul'ture [Metafiction as the author's self-reflection in modern Buryat artistic culture]. *Vestnik Buryat. gos. un-ta. Yazyk. Literatura. Kul'tura*. 10. pp. 30–34.
10. Yakimovich, F. (2015) Zorikto Dorzhiev [Zorikto Dorzhiev]. In: Dorzhiev, Z. *Voobrazhaemaya real'nost'* [Imaginary Reality]. Moscow: Tret'yakovskaya galereya. pp. 5–11.
11. Lipovetskiy, M.N. (1997) *Russkiy postmodernizm. (Ocherki istoricheskoy poetiki)* [Russian postmodernism. (Essays on historical poets)]. Ekaterinburg: [s.n.].
12. Kuchina, T. (2016) Pervolichnye povestvovatel'nye formy v russkoy proze kontsa XX – nachala XXI v. [Primary narrative forms in Russian prose of the late 20th – early 21st centuries]. In: Skorospelova, E.B. (ed.) *Problemy neklassicheskoy prozy* [Problems of non-classic prose]. Vol. 2. Moscow: MAKSPress. pp. 276.
13. Imkhelova, S.S. (2020) Non-fiction ili autofiction?: ob odnoy tendentsii v russkom rasskaze rubezha XX–XXI vv. [Non-fiction or autofiction?: About one trend in Russian short stories at the turn of the 21st century]. *Vestnik Buryat. gos. un-ta. Filologiya*. 1. pp. 34–42.

Информация об авторах:

Бороноева Т.А. – кандидат искусствоведения, директор Национального музея Республики Бурятия (Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия). E-mail: tatboronoeva@gmail.com

Имхелова С.С. – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия). E-mail: 223015@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.A. Boronoeva, Cand. Sci. (Art History), head of the National Museum of the Republic of Buryatia (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: tatboronoeva@gmail.com

S.S. Imikhelova, Dr. Sci. (Philology), professor, Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: 223015@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.07.2022;
одобрена после рецензирования 19.12.2022; принята к публикации 17.10.2023*

*The article was submitted 13.07.2022;
approved after reviewing 19.12.2022; accepted for publication 17.10.2023*